

КИТАЙ И РОССИЯ

П.А. Лапин

МИД РФ

Маньчжурский придворный советник (канцлер) Маци и российско-китайские отношения в конце XVII – начале XVIII вв.

В конце XVII – начале XVIII вв. российское направление внешней политики Цинской империи обеспечивала сложная административно-бюрократическая система¹ и группа высокопоставленных чиновников², наиболее заметным из которых был придворный советник маньчжур Маци.

Маци (1651–1739) принадлежал к старому и уважаемому клану Фуча³, входил в состав привилегированного маньчжурского «жёлтого знамени с каймой» [14, цз. 287, с. 10221]. Свою политическую карьеру Маци начал в восемнадцатилетнем возрасте, когда в 1669 г. получил первое назначение, заняв должность секретаря второго класса (*юаньвайлан*) в Ведомстве общественных работ (*Гунбу*), в 1672 г. стал ротным командиром в своём знамени, а в 1675 г. был переведён на должность в Ведомство финансов (*Хубу*), руководителем которого в своё время был его отец [9, с. 1895]. В 1682 г. Маци был назначен на должность начальника отделения (*ланчжун*) Ведомства общественных работ, а в 1684 г. получил первый высокий пост при дворе – его назначили секретарём-докладчиком при императоре (*шиду сюэши*) [15, цз. 14, с. 1004]. В 1682, 1685–1686 и 1688 гг. Маци работал на различных должностях в провинциях Аньхой, Шаньси и Хубэй [14, цз. 287, с. 10221; 23, с. 560], где контролировал финансы и исполнял функции ревизора.

Завоевав славу честного и неподкупного чиновника, Маци в 1688 г. был назначен на должность главы Цензората (*Дучаюань*) [3, с. 214]⁴.

В 1690 г. чиновник получил пост главы Военного ведомства (*Бинбу*) и тогда же был введён в состав Государственного совета, в 1692 г. переведён на должность главы Ведомства финансов [15, цз. 14, с. 1005–1006]. В 1694 г. по указанию императора Канси Маци отвечал за пополнение зерновых хранилищ и продовольственное обеспечение на территории современного Северо-Востока Китая. За особые заслуги в 1699 г. получил ранг придворного советника палаты Воинской славы (*У-ин дьянь*) Императорского дворца [15, цз. 14, с. 1006–1007], а в 1700 г. был назначен главным чиновником, отвечавшим за проведение государственного экзамена при императорском дворе на получение высшей учёной степени (*дяньши*) [10, с. 43].

В 1708 г. из-за участия в заговоре против наследника престола, Маци фактически был отстранён от ведения государственных дел и лишился всех высоких титулов и рангов⁵. Несмотря на опалу, чиновник продолжал активно работать в интересах государства и лично императора, за что уже в конце 1710 – начале 1711 гг. был полностью оправдан и вновь призван на службу [6, с. 116; 15, с. 1008], а в 1712 г. назначен на должность главы Дворцового управления (*Нэйуфу*) [8, цз. 4, с. 124]. В 1716 г. по указу императора и в ознаменование прежних заслуг был восстановлен в ранге придворного советника палаты Воинской славы Императорского дворца [14, цз. 287, с. 10223].

В 1722 г. после восшествия на престол императора Юнчжэна, Маци был назначен главой редакционного бюро по подготовке и изданию *Шэньцзу шилу* («Хроник правления императора Шэньцзу») [10, с. 45]. В 1723 г. был повышен до ранга придворного советника тронной палаты Сохранения спокойствия (*Баохэ дьянь*) Императорского дворца [14, цз. 287, с. 10223]. В течение всего периода правления императора Юнчжэна (до 1735 г.) Маци продолжал оставаться самым влиятельным и почитаемым чиновником при дворе и принимал активное участие в политической жизни государства. С приходом к власти императора Цяньлуна Маци (тогда ему было уже 84 года) стал постепенно отходить от дел и часто болел [15, цз. 14, с. 1008].

Маци долгое время был высокопоставленным чиновником, курировавшим в цинской администрации российское направление⁶. Стоит сказать, что его деятельность здесь не была строго регламентирована, и Маци приходилось заниматься решением совершенно разных вопросов. Не исключено, что укрепляющимся контактам с Россией в Пекине уделяли всё большее внимание, и доверить «русские дела» император мог только самому надёжному чиновнику⁷, которым, безусловно, являлся Маци.

Свою деятельность, связанную с Россией, Маци, по всей видимости, начал вскоре после локализации пограничного конфликта между

двумя государствами, завершившегося подписанием в 1689 г. Нерчинского договора. Для участия в Нерчинской конференции в 1688 г. в Пекине была собрана представительная делегация, в состав которой «для представления докладов трону» был включён «старший президент Цензората Маци» [3, с. 214; 5, с. 685]. Однако накануне отправки посольства на границу, Маци получает приказ остаться в Пекине и во главе государственной комиссии выехать в центральную часть Китая для инспекции строительства дренажных систем на реке Хуанхэ и связанных с этим злоупотреблений [9, с. 1896]. Выполняя указание двора, Маци, тем не менее, позаботился и о подготовке пограничных переговоров. Уделяя большое внимание вопросам архивирования документов, которые впоследствии могли бы быть использованы при написании официальных хроник или жизнеописаний цинских монархов, он предложил при подготовке документов на переговорах наравне с маньчжурским языком использовать китайский язык. Предложение Маци было поддержано монархом, и китайский язык стал вторым после маньчжурского делопроизводственным языком конференции, а для работы с ним в состав делегации была введена должность китайского писаря [9, с. 1895]. Историографом миссии был также назначен китаец – Чжан Пэнгэ, служивший в своё время в Академии Ханьлинь [3, с. 214]. Это было важной инициативой в поддержку китайского языка как официального языка делопроизводства.

Продолжить работу с россиянами позволило Маци также и назначение его годом позже (1690) на должность главы *Лифаньюаня* (совмещал с должностью главы Военного ведомства), который, в частности, регулировал российско-китайские отношения и, как указывалось выше, курировал всю деятельность так называемых «русских служб» [19, с. 23; 20, с. 62–65]. Руководителем *Лифаньюаня* Маци пробыл всего год.

На последнюю четверть XVII в. также приходится начало процесса формирования российской диаспоры в Пекине. Многочисленные стычки между россиянами и маньчжурами на границе в этот период нередко заканчивались захватом наших соотечественников в плен и их последующей отправкой в Пекин, где к 1683 г. по указу императора их объединили в отдельную «русскую роту» маньчжурского «жёлтого знамени с каймой» [7, с. 30об.–31]. Первоначально «русской ротой» руководили сами же россияне, однако после смерти последнего из её командиров (Лодохона), имевшего российские корни, управление «ротой» и заодно всей российской диаспорой в Пекине было поручено Маци [23, с. 561; 25, с. 21]. В течение какого

времени Маци командовал «русской ротой», сказать сложно: не исключено, что на время дознаний по делу о его причастности к заговору при дворе он был отстранён от руководства «ротой» и повторно назначен на должность командира в конце 1708 г. [18, с. 51], либо в 1716 г., и впоследствии «командовал ею на протяжении многих лет» [23, с. 561]⁸.

В источниках не сохранилось каких-либо упоминаний, связанных с работой Маци на посту начальника «роты». Это, по-видимому, объяснялось тем, что «русская рота» обеспечивала безопасность внутри города и не принимала участие в масштабных военных операциях внутри Китая или на границе [25, с. 21]. Поэтому вся работа её начальника, скорее всего, сводилась к решению различных финансово-экономических и хозяйственных вопросов, которых явно было немало.

Отвечая за российскую диаспору в Пекине, Маци также обеспечивал пребывание в китайской столице российских торговых караванов и весь процесс торговли, которой столичные власти придавали немалое значение. В 1710 г. накануне прибытия в Пекин обозов Петра Худякова последовал указ императора, в котором приказывалось «предоставить ему (Маци. – П.Л.) возможность заниматься русскими делами как и прежде» [6, с. 116; 9, с. 1897]. Этим же указом император прекращал преследование Маци и вновь призывал его на службу. «В прошлом бывший первый министр Маци был единственным, кто ведал русскими делами, – начинал свой указ император. – Мы приказываем освободить Маци» [6, с. 116; 23, с. 561]. То есть в течение продолжительного времени (ни до ареста Маци, ни после) в цинской администрации не появилось ни одного высокопоставленного чиновника, способного так же профессионально курировать «русские дела», и для того, чтобы работа на российском направлении продолжалась, император был вынужден призвать на службу опального Маци, подозревавшегося в заговоре против престола⁹.

Главной заслугой Маци на российском направлении вместе с тем стала его инициатива, направленная на знакомство китайцев с русским языком и культурой. Чиновник инициировал открытие в Китае при Дворцовой канцелярии первой официальной Школы русского языка (*Нэйгэ элосы вэньгуань*), целью которой была подготовка переводчиков русского языка для цинских государственных учреждений.

Находясь в тот момент фактически в опале и испытывая нападки со стороны высших сановников двора, Маци продолжал активно работать. С 3 месяца 47 года Канси (март–апрель 1708 г.) по 12 месяц 50 года Канси (декабрь 1711 – январь 1712 г.) Маци подал императору

семь докладов, которые определили основные принципы по управлению школой и её функционированию [18, с. 49–58]. В монгольском¹⁰ и китайском знамёнах Маци отобрал в общей сложности 68 солдат, проявивших интерес к изучению русского языка, которые вскоре были зачислены в школу. Были успешно проведены переговоры с главой российского каравана Петром Худяковым, находившимся в Пекине по торговым нуждам, на предмет прикомандирования к школе в качестве преподавателя одного из россиян. По договорённости с россиянами к школе был приписан некий купец Василий, который до отъезда в Россию (чрез два месяца) разучил с учениками русский алфавит [18, с. 51]. Занятия временно было решено проводить на территории Южного русского подворья, а с целью обеспечения на нем порядка Маци направил туда секретаря из Монгольского отдела Дворцовой канцелярии (отдел курировал и контакты с Россией) по имени Чанду, которому вменялось в обязанность поддерживать среди учеников порядок [18, с. 51]. Чанду, таким образом, стал первым директором-инспектором (*цзяньгуань*) Школы русского языка [18, с. 52], а Маци – её основателем.

Школа русского языка просуществовала весьма продолжительное время – 154 года. В 1862 г., в связи с изменившейся политической ситуацией в Китае, она была расформирована и включена в состав новосозданной пекинской Школы иностранных языков (*Тунвэньгуань*) – учебного заведения нового образца, где кроме иностранных языков, также преподавались некоторые китайские и европейские общеполитические, гуманитарные и технические дисциплины [21, с. 6–17, 198–199]. Занятия на русском отделении Тунвэньгуань начались в 1863 г.

Придворный советник Маци был видным государственным деятелем и талантливым политиком, как и его предки отважно служившим интересам Цинского государства. Он обладал высоким авторитетом при дворе и пользовался поддержкой китайских монархов. Талант умелого организатора позволял Маци занимать высокие государственные и военные посты и с успехом обеспечивать реализацию внутри- и внешнеполитического курса империи.

Маци добился значительных успехов в обеспечении российского направления цинской внешней политики. Управление российской диаспорой в Пекине и работа с торговыми караванами из России позволяли Маци получать важную информацию о социально-экономическом и политическом потенциале северного соседа, которая позже тщательно изучалась при дворе и использовалась при выработке китайской политики по отношению к России. Не исключено, что

объективная по тем меркам оценка возможностей России и неизбежность тесных контактов с этим новым объектом китайской внешней политики подвигли Маци к скорому открытию в Пекине Школы русского языка, что самое по себе шло вразрез с китайской традиционной концепцией внешних сношений, в рамках которой посредником между двумя культурами был не китаец, изучивший иностранные языки и культуру чужой страны, а «варвар», приобщившийся к китайским ценностям.

Маци умер в 1739 г. в возрасте 88 лет. Он стал единственным высокопоставленным чиновником ранней Цин, служившим сразу при четырёх императорах – Шуньчжи, Канси, Юнчжэне и Цяньлуэ. В знак выдающихся заслуг перед правящим домом незадолго до кончины Маци император Цяньлун жаловал его семье 5 тыс. лян серебра на похоронные нужды [8, цз. 4, с. 124–125], а после его смерти распорядился провести масштабную похоронную церемонию и внести табличку с именем чиновника в императорский храм предков для проведения церемоний поминовения [15, цз. 14, с. 1009].

Примечания

¹ Органы государственной власти Цинской империи, обеспечивавшие российское направление китайской внешней политики, можно условно объединить в систему «русских служб». Возглавляла эту систему Палата по делам вассальных территорий (*Лифаньюань*), занимавшаяся общей координацией российско-китайских контактов, а также их наиболее значимыми вопросами (подготовка и приём в Пекине российских посольств, официальная переписка с Сенатом и российскими пограничными властями, решение вопросов, связанных с незаконным пересечением границы, и возвращение перебежчиков). Частью «русских служб» также являлись штат сотрудников Палаты, приписанный к Российской духовной миссии, и обеспечивавший её пребывание в Пекине, а также её контакты с Россией; ответственные сотрудники Училища *Гоцзыцзянь*, в задачи которых, в частности, входила организация обучения российских учеников в китайской столице (ими было образовано особое русское училище, существовавшее, правда, только на бумаге; вменялось в обязанность направлять преподавателей к россиянам, разрабатывать учебные планы) и поддержание контактов с *Лифаньюанем* для рекомендации лучших учеников в качестве переводчиков для «русских служб»; «русская рота» «восьмизнаменной» армии, на ранних этапах своего существования являвшаяся поставщиком переводческих и преподавательских кадров для *Лифаньюаня* и Школы русского языка; и, наконец, Школа русского языка при Дворцовой канцелярии и *Лифаньюане*, которая должна была на системной основе обеспечивать подготовку переводчиков русского языка и специалистов по России для центрального аппарата *Лифаньюаня* и его представительств на границе, а также всей системы «русских служб».

² Например, маньчжурский чиновник Мала, в 60–70 гг. XVII в. сделавший блистательную карьеру при дворе благодаря своей жёсткой позиции по вопросу российско-китайских пограничных размежеваний в Приамурье. Занимая ответственные посты в *Лифаньюане* (в 1649 г. Мала был зачислен на должность писаря (*битешу*) *Лифаньюаня*, впоследствии был переведён на должность старшего делопроизводителя (*чжуши*), а ещё через некоторое время – на должность помощника начальника отделения (*юаньвайлан*)), он неоднократно направлял императору Шуньчжи свои предложения по силовому вытеснению россиян с границы вглубь их территории [3, с. 116; 14, цз. 280, с. 10141; 22, с. 60; 24, с. 83–84]. Именно Мала организовал и провёл первую военно-дипломатическую акцию, основанную на логически выстроенной стратегии и точных разведанных. В 1669 г. во главе большого войска он отправился к пограничному Нерчинску, остановившись неподалеку от него, чиновник направил к российским властям своего разведчика Шаралдая, цель поездки которого официально сводилась к тому, чтобы пожаловаться на «олбазинских служилых людей, что ходят де они в походы и громят даурских и чючерских людей и промеж де землями чинят ссору» [4, с. 269]. В 1676 г. Мала назначается на должность младшего заместителя руководителя (*ю шилан*) Ведомства обрядов (*Либу*), а в 1684 г. – помощником главы «знамени» (*фудутун*). В этом статусе он в том же году прибыл в места, где проживали солоны, и тайно собирал информацию о россиянах [14, цз. 280, с. 10141; 17, с. 99–100]. В начале 1685 г. Мала передал пекинским властям подробную информацию о внутренних укреплениях Албазина, которую получил от российских пленных, взятых близ острога [2, с. 58; 17, с. 101]. Параллельно с этим по указанию Ведомства финансов Мала совместно с сотрудниками *Лифаньюаня* занимался закупкой скота и отправкой его на границу [2, с. 60; 16, цз. 119, с. 249]. Надо сказать, что Мала действовал по указанию императора, при котором был собран целый негласный совет авторитетных высокопоставленных чиновников, разработывавших план урегулирования пограничного конфликта. Руководителем совета был Фуцюань – один из братьев императора Шуньчжи; Санготу – дядя императора; все тот же Мала, придворные советники Дворцовой канцелярии, а также мелкие чиновники *Лифаньюаня*, *Либу* и т.д. [3, с. 144].

³ Маци принадлежал к старому известному роду, представители которого на протяжении долгого времени служили маньчжурским монархам ещё до покорения ими Минского Китая. Дед Маци Хашэньтунь вместе с императором Хун-Гайцзи (известный также как Абахай, 1627–1643) участвовал в военных походах против Южных монголов, занимал высокие должности в маньчжурском войске. В период правления императора Шуньчжи (1644–1661) Хашэньтунь стал членом Государственного совета при императоре. Отец Маци Мисыхань занимал должности главы Дворцового управления, младшего заместителя руководителя Ведомства обрядов, главы Ведомства финансов, входил в состав Государственного совета. Старший брат Маци Масыка служил заместителем командира маньчжурского «жёлтого знамени с каймой», главой Дворцового управления [10, с. 42].

⁴ По другим данным, Маци был назначен на должность главного цензора империи в 1689 г., но эта дата вряд ли может быть достоверной [23, с. 560].

⁵ В 1708 г. Маци попал под подозрения в связи с делом так называемой «Партии восьмого сына императора» (*Хуан цзы ба дан*), участники которой тайно поддерживали восьмого сына императора Канси Иньсы в его стремлениях занять престол после смерти его отца (император Канси к тому времени уже сделал преемником своего четвёртого сына – будущего императора Юнчжэна, тогда не пользовавшегося поддержкой при дворе).

⁶ В русских документах Маци также именуется как Мазчи-амба, Мачи и Маси (см.: [5, с. 292, 783; 6, с. 176]).

⁷ Маци обладал высоким авторитетом при дворе, и не в последнюю очередь благодаря родственным связям с царствующей фамилией (подробнее см.: [11, с. 107–108]).

⁸ В XVIII в. руководство «русской роты» осуществлялось по большей мере выходцами из клана Фуча, к которому, в частности, принадлежал Маци, и отчасти китайскими военачальниками. После смерти Маци «рота» перешла в подчинение некоего министра-шану Дэмина, после смерти которого управление ею было поручено придворному советнику Итаю. После Итая новым управленцем «роты» стал Хадаха, после повышения которого она была передана шилану Шушаню. После повышения Шушаня, должность управляющего делами «роты» занял фудутун Фулян (сын Маци), которого позже сменил фудутун Фуцзин (внук Маци). Вскоре новым начальником «русской роты» был назначен дутун Гуанчэн (сын младшего брата Маци Ли Жунбао), после смерти которого его место вновь занял дутун Фулян. После повышения Фуляна, «ротой» стал ведать принц Фулунъань (внук младшего брата Маци Ли Жунбао), которого заменил принц Куйлинь (внук младшего брата Маци Ли Жунбао). Куйлиня заменил Фэншэнцилунь (внучатый племянник Маци и внук императора Цяньлуна), который руководил «ротой» вплоть до своей смерти в 1807 г. [12, с. 370; 13, цз. 3, с. 45].

⁹ Работа с российскими караванами позволяла Маци знакомиться с россиянами, а россиянам – с Маци, причём иногда в интересах России. Маци занимал высокие посты в империи и был вхож в ближайшее окружение императора, что позволяло ему быть в курсе принимаемых при дворе решений. Этим пытались пользоваться россияне при решении важных государственных задач. Так, в частности, будучи в Пекине для подготовки Кяхтинских переговоров, российский посол С. Владиславич-Рагузинский, действуя через французского миссионера Доменика Парнена, установил дружеские связи с Маци, который обещал «способствовать на границе в пользу российского двора, за что ему (Маци. – *П.Л.*) обещано от посланника (С.Л. Владиславича-Рагузинского. – *П.Л.*) подарков на две тысячи рублей» [1, с. 138], по другим данным, за свою «лояльность» к российскому послу Маци было обещано 1 тыс. рублей, а Парнену за посредничество при знакомстве выплачено 100 рублей [23, с. 561].

¹⁰ Опрос был проведён среди монголов «жёлтого знамени с каймой», «жёлтого знамени», «белого знамени», «красного знамени», «белого знамени с каймой», «красного знамени с каймой». Всего было опрошено 128 монголов [18, с. 50].

Литература

1. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792. Казань, 1882.
2. *Мелников Г.В.* Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII века // Вопросы истории. 1974, № 7.
3. *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
4. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. I (1608–1683). М., 1969.
5. Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. II (1686–1691). М., 1972.
6. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. I (1700–1725). М., 1978.
7. Ба ци тунчжи чуци (Первоначальное издание всеобщего описания «восьми знамён»). [Б.м.], 1736–1795.
8. Го чао сяньчжэн шилуэ (Краткие биографии справедливых ныне покойных [деятели] правящей династии). Т. I. Чанша, 2008.
9. Го чао цисянь лэйчжэн ([Сборник] биографий почтенных [деятели] правящей династии, разнесённых по темам). Т. IV. Янчжоу, 2007.
10. *Дэн Цин.* Цинчу маньцзу дасюэши Маци (Придворный советник раннецинского периода маньчжур Маци) // Маньцзу яньцзю. 1996, № 3.
11. *Дэн Цин.* Цин чу Маци, Ма-у, Фухэн юй Сяосянь хуанхоу гуаньси каобянь (Анализ связи Маци, Ма-у, Фухэна с императрицей Сяосянь) // Шэхуэй кэсюэ цзикань, Мин Цин ши яньцзю. 1997, № 1.
12. *Лю Сяомин.* Гуаньюй Циндай Бэйцзин дэ элосьжэнь – ба ци маньчжоу элосы цзолин лиши сюньцзун (О россиянах в цинском Пекине – исторические изыскания о «восьмизнамённой» маньчжурской «русской роте») // Цинши луньцун. Вып. 2007 года.
13. Циньдин ба ци тунчжи («Высочайше утверждённое» всеобщее описание «восьми знамён»). Чанчунь, 2002.
14. Цин ши гао (Черновые записи истории Цин). Т. XXXIV. Пекин, 1977.
15. Цин ши лэчжуань (Жизнеописания деятелей истории Цин). Т. IV. Пекин, 1987.
16. Цин шилу. Шэнцзу жэнь хуанди шилу (Хроники династии Цин. Хроники правления императора Шэнцзу). Т. V. Пекин, 1985.
17. Цин шилу чжун дэ Хэйлунцзян шаошу миньцзу шилуэ хуэйбянь (Сборник исторических материалов из Хроник правления династии Цин о национальных меньшинствах, [проживавших на территории] Хэйлунцзяна). Харбин, 1992.

18. *Чжан Юйцюань*. Элосы гуань шимо цзи (Полное описание Школы русского языка) // Вэньсянь чжуанькань. 1944, № 1.
19. *Чжао Юньтянь*. Циндай Лифаньюань чутань (Первичные исследования цинской Палаты по делам вассальных территорий) // Чжунъян миньцзу сюэюань сюэбао. 1982, № 1.
20. *Чжао Юньтянь*. Циндай чжили бяньцзян дэ шуню – Лифаньюань (Цинское учреждение по управлению пограничными территориями – Палата по делам вассальных территорий). Пекин, 1995.
21. *Чжу Юсянь*. Чжунго цзиньдай сюэчжи шиляо (Материалы по истории системы образования в Китае в новое время). Т. I. Шанхай, 1983.
22. *Шэнь Иминь*. Цин чу дэ битешу (Секретари-писари *битешу* в раннецинский период) // Лиши даньянь. 2006, № 1.
23. *Hummel A.* Eminent Chinese of the Ch'ing period (1644–1912). Vol. I. Washington, 1943.
24. *Mancall M.* Russia and China. Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge (Mass.), 1971.
25. *Widmer E.* The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth Century. London, 1976.